

Запах смерти все еще витал в воздухе.

Даже несмотря на то, что жертвы были немедленно отброшены, ритуал предписывал брызг крови. Она запятнала каменный алтарь, пролилась на пол, а иногда и украшала стены. Неважно, насколько хорошо они её очистили, кровь уже просочилась между каждым камнем в полу, в каждую пору скал, разлагаясь и проникая в воздух.

Те, кто обращал внимание на запах, могли сразу его идентифицировать. Тем не менее, те, которые не обращали, даже если они не были отстранены зловещей природой камеры, будут преодолены общим чувством беспокойства. Инстинкты выживания глубоки, и большинство людей, если бы они могли выбирать, бежали и никогда не возвращались.

Так было и с нынешней жертвой.

Раньше, когда ее держали в клетке, слишком маленькой, чтобы вставать, и слишком узкой, чтобы лечь, эта молодая женщина пыталась убедить себя, что просто собирается стать рабыней. Она сказала себе, что эти мужчины в одеждах заинтересованы только в ее продаже. Она отказалась представить себе ситуацию, когда у нее не было больше дней жизни, даже если бы они были в ужасных условиях, и даже если ей пришлось терпеть невыносимые вещи. Еще один день жизни - это еще один день надежды, надежды, что все может вернуться к нормальной жизни. Она с удовольствием пострадает за это.

Но когда они вытащили ее из клетки, она должна была признать, что конец был близок. Глубоким вздохом, она вдохнула запах комнаты, которая скоро станет ее могилой, и вся сила ушла из ее ног. У алтаря ее ужас вспыхнул, и она упала и закричала. С одним мужчиной на каждой из ее конечностей они поднимали ее по камню, пока она билась, и они напрягались, чтобы вытянуть ее. Подготовленные кандалы удерживали ее на месте. Она продолжала яростно бороться. Кровь текла свободно от места, где металл встречал ее запястья и лодыжки.

Ее говоры были проигнорированы.

«Все, что вы хотите» и «Вы можете иметь мое тело, просто дайте мне жить» и «Я не сбегу, и я сделаю то, что вы хотите, чтобы я сделала». Все было проигнорировано.

Когда она увидела кляп, она закричала.

Мольба была ее последней защитой. Как служанка, она могла уговаривать большинство мужчин делать то, что она хотела, большую часть времени, и была уверена в своей харизме. Если этого не было, ничего не осталось. Она закрутила рот в плечо, чтобы держать заткнись, а затем покачала головой. Они скрутили ее волосы, чтобы держать ее неподвижно, и прижимали кляп к ее сжатым зубам с таким большим давлением, что она была уверена, что они сломают ей челюсть. У нее не было выбора, кроме как смягчиться.

Кляп на самом деле не помешал ей попробовать, но она могла собрать только половину слогов.

Когда она заметила сверкающие кинжалы, она замолчала и уставилась вдаль. Тихие слезы текли по ее щекам.

----- ===== ##### ===== -----

«Еще одна неудавшаяся жертва, Рэмонт?» Черноволосая Фаукс хихикнула, улыбнувшись. Каждый раз, когда она терпела неудачу, она посещала его особняк и била его. «Сколько же их было теперь? - Семь? Все еще гоняешься за благосклонностью, как тьявкающая собака?»

Меня иногда спрашивают, как она попала к охранникам. Я не был уверен, что она использовала свое тело, подкупила их или угрожала им. Возможно, они даже не обнаружили ее. В любой день это может быть любой из них.

«Мы будем проводить ритуал столько раз, сколько потребуется», - кисло ответил он, не в силах скрыть свое разочарование.

«Я хочу перейти к следующему. Мне скучно, - она надулась, как ребенок.

«Я приму меры. Вы можете показать нам, как проводить ритуал».

«Я говорила вам раньше, вы не можете заставить Уробороса делать то, что вы хотите. Вы можете только подчиниться и надеяться, что он выберет вас. Ты можешь быть идеальным, а ему может быть все равно.

«Это ключ? Представление?» Его тон был горьким.

Он налил себе бокал вина и выпил его. Сразу после заправки она поплыла к нему, сунула пальцы в его руку и забрала стакан. Несмотря на волнение, он терпеливо позволил ей.

Она выпила половину вина и поднесла бокал к его губам. Он послушно закончил его, не сводя с нее пристального взгляда.

Воркуя, она объяснила: «Ты слишком обдумываешь это».

Его глаза опустились вниз. Вокруг ее обнаженной шеи висел серебряный круг змеи, питающейся собственным хвостом. В центре этой змеи, запертой и катящейся в плетеной золотой сетке, был темно-черный камень.

«Сними это. Я сказал тебе не носить это.»

"Сказал мне?" Она насмешливо подняла бровь.

Когда он осматривал ее, все, что он мог видеть, это полную свободу.

На ней была та же одежда, которую можно было ожидать от гильдии искателей приключений, из прочной кожи и ткани, но с несколькими переплетенными темами.

Ее ботинки остановились на вершине бедер. Ее вырез и большая часть ее груди были беззащитно обнажены и казались едва сдерживаемыми ее блузкой. Даже другие женщины в гильдии носили доспехи, когда она смело выставляла свою кожу. Это тот тип внимания, к которому вы обращаете внимание на статьи, которые, как вы видели, используют женщины, которые ходят по ночам. Если она откинет бедра или вытолкнет грудь, она будет казаться свободной.

Это было незаметно, потому что на ней был унылый серый плащ. Она был чуть выше ее колен и имел гибкий капюшон, который был как у целителя. Когда она стояла, слегка склонив голову и сложив руки перед собой, вы даже не заметили бы ее аморальную сторону. Все, что можно было увидеть, если бы они не знали ничего лучше, это целомудренный и покорный маг, готовый помочь.

Кроме того, если бы она стояла прямо с высоко поднятой головой, ее можно было бы принять за благородство. У нее была такая красота и обаяние, что ее нельзя было игнорировать, даже

когда она не пыталась объяснить это. Охранник однажды по ошибке назвал ее благородным титулом.

Но здесь, наедине, с ним? Она кралась, как вор. Когда он поворачивал ее голову, она уходила из его поля зрения, откуда он не видел, как она идет. Даже эмоционально она ударила его под углами, о которых он не знал.

В любой момент она может стать кем-то другим. Даже ее личность не могла сдержать ее.

"Приношу извинения. Может быть, я ошибся», - тихо сказал он.

- А может, и нет."

«Если кто-то поймет, что это значит...»

«Мне все равно», насмеялась она, подчеркивая каждый слог и заканчивая воздушным поцелуем.

Разъяренный, он ударил ее так сильно, как мог, и, к ее чести, она не упала на пол. Она споткнулась и поймала себя на ликерном столе, бутылки ненадежно звенели. Прочистив горло, она встала прямо и, не глядя на него, снова наполнила бокал и сделала глоток.

Фаукс была явно необузданной.

Если кто-нибудь узнает, что означает это ожерелье, в частности камень, то будет раскрыт не только Культ Круга, но и она. Оба варианта были непростительны для него. Однако, если бы культ узнал, что он ударил ее, они пожертвовали бы им и накормили бы его собакам, независимо от его положения в культе или опасности ее ожерелья.

"Сними!"

«Нет», сказала она приятно.

Он схватил ее за запястье и дернул ее лицом к себе. Рюмка выскользнула из ее рук и разбилась о пол. Ее невинно улыбающееся лицо наполнило его глаза, и в гневе он снова ударил ее.

Когда сила удара заставила ее отступить, он дернул ее вытянутую руку, чтобы снова притянуть ее ближе. Она все еще носила эту разъяренную улыбку, несмотря на раскаленную щеку. Он поднял руку еще в третий раз, сжав кулак.

Внезапно ее рука схватила его за пах, слегка повернув кулак. От боли он наклонился вперед, склонив голову на ее плечо. Полосы агонии мчались по его ногам. Он даже не мог дышать.

Ее улыбка ни разу не изменилась.

Она погладила его затылок, пока боль охватила его.

«Видишь, вот почему ты мне нравишься. Тебе действительно все равно, натягиваешь ли ты хвост тигра.

Он хмыкнул. Она немного ослабила хватку, и он вздохнул.

«Если бы мне пришлось сжечь весь этот город, я бы это сделал, - выплюнул он, - для Уробороса».

«Пока рано», - сказала она с глубоким преувеличенным вздохом, осторожно проводя его в спальню.

----- ===== ##### ===== -----

Фоукс сидела тихо, думая в темноте.

Шутка была веселой, но неудовлетворительной. Ремонт был просто собакой на поводке для нее, и, хотя с ним было весело и очень полезно играть, в конечном итоге он был просто щенком. Она была в основном в постели с собой и живой игрушкой. У него был потенциал, чтобы открыть глаза, действительно привлечь внимание Уробороса и быть по-настоящему свободным, как и она, но он всегда отступал.

Было так удручающе быть одной.

Честно говоря, эта ситуация уже стара как мир. Отрасти уже несколько яиц, трус.

Когда одиночество душит ее сердце, ее охватывает ностальгия, как это всегда бывает. Она тосковала по добрым старым временам, когда она была целительницей, настоящей целительницей, а не этой притворщицей, как сейчас, когда она ходила в походах [Героя] и побеждала непостижимое зло. Ей нравилось, какой невинной она была тогда, а потом она ненавидит себя за то, что вспомнила.

Все, что ей было нужно, все, чего она хотела, это руководящий дух ее [Игрока].

Она была именно такой, какой он ее сделал. Она знала, что это был мужчина, но не более того. Это было совершенно нормально. Большинство [игроков] были мужчинами, и все они держались отчужденно. Милая, заботливая, чистая-вот какой он ее сделал. Ее роль в этой борьбе заключалась в том, чтобы сохранить жизнь своим союзникам, своим друзьям, в то время как она, в свою очередь, была защищена. Ее украшали белые одежды. Хотя она не могла этого доказать, она была почти уверена, что ее [игрок] защищал ее и любил ее больше, чем [игроки] других [героев]. Она чувствовала себя особенной и желанной. В какой-то момент она решила, что если ей представится такая возможность, то она признается в своих чувствах своему [игроку], хотя и знала, что это невозможно.

Где-то на этом пути сознание ее [игрока] изменилось. Души [героев] отчаянно приспособлялись к тому, чтобы быть тем, кем их воспринимал [игрок]. Чем ближе они были к этому, тем более реальными казались. Она установила свой первоначальный характер по тому, как он руководил ею. Теперь же он одел ее более вызывающе. Когда ее посылали в бой таким образом, она была опасно уязвима, но она сделала то, что ей было приказано, и если ее [игрок] был счастлив, то она тоже была счастлива. Хотя, чем больше он использовал ее таким образом, тем меньше она чувствовала себя любимой. Одна душа персонажа укладывается на другую. Ее оригинал был раздавлен мучительной тяжестью, а другой подвергся насилию, но она каким-то образом примирила их. Она должна была это сделать.

Он пошел на большой риск, и она получила больше травм. Иногда она умирала и нуждалась в воскрешении. Другие [герои] объяснили ей, что ее [игрок] становится нетерпеливым и наказывает ее. Она чувствовала себя никчемной. По мере того как бои становились все более трудными, ей становилось все труднее и труднее идти в ногу, она все чаще умирала и не могла продолжать исцелять своих союзников. Другие [герои] подвергли ее остракизму. Она поймала обрывки текста о своем [игроке], жалующемся на нее, о том, как она была мусором. Логины от ее [игрока] стали менее частыми и с более длинными интервалами между ними. Она ждала и молилась, чтобы последний вход в систему не был последним.

Она пообещала, что постарается изо всех сил, сделает больше, будет лучше, чем угодно, чтобы вернуться к тому, что было раньше.

Ничто из того, что она сделала, не улучшило его настроение.

Ее [Игрок] продал свой аккаунт, и это опустошило ее. Фаукс хотела, чтобы она могла погрузиться в неопределенность между приключениями и начать все сначала. Ее новый [Игрок] не заботился о ней вообще, не использовал ее так, как она была создана, и вместо этого использовал ее для каждого отвратительного действия, которое он мог придумать. Она сделала их все, естественно, часто умерла для удовлетворения и потеряла большую часть своего уровня. В конце концов, что еще хорошего может быть [Герой], кроме как делать, как приказано?

Ему тоже быстро стало скучно после того, как она устала.

Это было так.

В подвешенном состоянии она ждала, чтобы возродиться как кто-то еще. Затем она могла бы попытаться снова, как новый [Герой], и, возможно, не подвести своего нового [Игрока]. Когда-то она хотела любви, теперь она просто не хотела, чтобы ее игнорировали.

Когда [пространственный портал] открылся, ее сердце подпрыгнуло, и она заплакала от радости. Она видела это и раньше, но только как отбор для других, гораздо более сильных [героев]. Это была высочайшая честь. Один [игрок] там достаточно заботился о ней, чтобы вытащить ее из лимба и дать ей еще один шанс, даже в ее разрушенном состоянии.

Но, как говорится, из сковородки да в огонь.

Уроборос просочился в самую сердцевину ее характера. Последняя частичка сердца, которую она защищала, превратилась в гниль. Хуже того, те, кто вызвал ее, не были [игроками]. Они даже не были [героями]. Они не были оппортунистами, ищущими легкой цели, и они просто поработили ее.

Им стало скучно, как и всем остальным. В какой-то момент они решили использовать ее в качестве жертвы.

Когда она умоляла о списании, Уроборос откликнулся.

И с тех пор Фаукс чувствовала себя пьяной, но знающей, одурманенной, но имела полную ясность мыслей. Ее запреты были полностью разрушены. Теперь она утверждала свою собственную волю, как бы она ни хотела проявиться, и к черту поклонение [игрокам], и к черту жизнь ее рабовладельца. Ей потребовалось всего несколько мгновений, чтобы обмануть одного из них и сбежать, так как они стали самодовольными из-за ее покорности.

Долгое время она бродила вокруг. Если она хотела делать добро, она просто делала это. Если она хотела сделать зло, она просто делала это. Любой каприз или побуждение, которое она имела, она, не колеблясь, не заботясь о последствиях, она выполняла. Понемногу она восстановила свои уровни.

Фаукс подняла темно-черный камень и осмотрела его.

Когда она впервые была передана ему Рэмонтом, он был кристально чист. Ее прикосновение мгновенно затуманило его, показав, насколько она была загрязнена Уроборосом. С тех пор

культ круга поклонялся ей как агенту Уробороса, как идолу. Конечно, это был не более чем предмет, но они относились к нему с уважением. Она хранила камень, потому что чувствовала, что кто-то все еще нуждается в ней, или, по крайней мере, что-то в ней, и притворялась, что это подарок, хотя это никогда не было так.

Невинный [Герой], который поклонялся [Игрокам], теперь был безудержным [Злодеем], которому поклонялся культ. Она могла делать все, что хотела, и в глубине души никто в этом мире не мог причинить ей боль снова.

Она была свободна от себя.

Усмехнувшись, она заставила Рэмонта проснуться и снова использовала его.

<http://tl.rulate.ru/book/37873/830036>